

СТАРШИЕ ТЕНИ

A man with a beard and long hair, wearing a dark jacket and pants, is hanging upside down from a metal structure. The background is a dark, industrial cityscape at night, with a bright orange light source behind the man, creating a dramatic silhouette effect. The overall atmosphere is gritty and dark.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КАСЬЯН НАВИ

18+

Касьян Нави

Старшие Тени

<https://litres.ru/73954093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аскет умирает. Не фигурально. Впрочем, он и не против поскорее завершить своё жалкое существование. И так удобно небольшая группка отморозков сбрасывают его с неприлично приличной высоты.

К несчастью Аскета – его спасает молодой парнишка, который сам себя называет Кретином. Спасает, чтобы потом исчезнуть.

Аскету не остаётся ничего другого, как попытаться найти, а потом и спасти Кретина, являющегося ключом к мрачным тайнам правящей касты.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Касьян Нави

Старшие Тени

Глава 1

Мне не хватало шума. В кабинете Серафимы всегда было слишком тихо. А мне тишина редко доставляла удовольствие. Особенно в последние годы. Я висел под потолком, зацепившись ногами за техническую балку. В таком положении кровь прилиwała к голове, и пульсация в висках усиливалась до болезненной. Это помогало ощущать себя живым.

- Спускайся, Аскет. Мне не хватало только, чтобы ты тут прямо душу оставил из-за этой твоей идиотской привычки, - голос Серафимы прозвучал глухо.

Я качнулся заученным за десятилетия движением. Мир рывком перевернулся, заставляя меня приземлиться на согнутые ноги. Стальная цепь на лодыжке отозвалась коротким, тяжелым звоном.

Моя доктор стояла у стола. Никогда не разбирался в многочисленных склянках её излюбленной лаборатории. В этом секторе, а скорее во всём городе, Серафима наверняка была единственной, кто умел превращать помои, текущие по трубам, во что-то отдаленно напоминающее лекарство. Но даже её магия имела предел.

- Твои зрачки почти не реагируют на свет, - она посветила мне в глаза узким лучом фонарика, - Ты принимал «Ату»?

- Дважды. Может, трижды. Точно не припомню. Ты же знаешь, как потом херово.

- Поздравляю. Ты отнял у себя еще несколько лет жизни, - она отошла к своим моим записям, снимкам и прочим премудростям медицинского назначения - Твое маниакальное стремление к самопожертвованию даёт вполне видимые плоды. Твоя опухоль пустила новые метастазы.

- Выбора не было, - я лениво подошел к окну, - Действовать надо было быстро. Размышлять особо некогда в таких ситуациях. А в кармане доза была.

- Выбор есть всегда, - отрезала Серафима, - Просто ты всегда делаешь неправильный.

Слой грязи на стекле был таким толстым, что Остров на горизонте казался просто расплывчатым пятном света. Пятном. Правильное слово. Хорошо характеризующее это место. Красивый, недосыгаемый. Назначающий цену нашим жизням. Пятно, которое ежедневно присылает нам контейнеры с синтетическим белком и технической водой. В надежде тем самым заставить нас целовать пыль у подножия его спицей.

- Он обещал новую поставку фильтров для нашего сектора еще месяц назад, - тихо сказал я, намерено, не называя его Императором, - Люди внизу кашляют кровью. Они готовы загрызть в буквальном смысле соседа но будут боготворить

того, по чьей вине их жизнь превратилась превратилась в это
А ты говоришь мне о моих зрачках.

- Я говорю о том, что, когда ты ослепнешь или твой мозг превратится в кашу, те, кого ты так яро защищал, первыми стянут с тебя ботинки, - она резко повернулась ко мне, - Намники из банд всё чаще приходят в этот сектор. Скоро его статус перестанет быть нейтральным.

- Если только ты не решишь вмешаться, - я прищурился, глядя на неё, - Только не говори, что ты не думала об этом. И даже не пытайся врать, что уже не вмешивалась. Столько лет нейтралитета. Без твоих способностей. У меня мозг, конечно, плавится, но не до такой степени, чтобы в это поверить.

Она промолчала. Но легкий блеск в глазах говорил мне обо всём. Серафима могла сколь угодно долго изображать из себя хрупкую учёную, заботящуюся о местных. Но для меня ей придётся постараться куда лучше. Я прекрасно помнил, на что способна эта особь под влиянием «Ату».

- Вот, возьми, - она протянула мне небольшую капсулу, так и не удостоив меня ответом, - Это стабилизатор. Не панацея, но хотя бы снимет тремор в руках. И умоляю, Аскет... не принимай «Ату» без крайней нужды. Ты выбыл из обоймы задолго до того, как получил официальное уведомление.

Я спрятал капсулу в складках своей поношенной робы. Мои пальцы едва заметно дрожали.

- Не делай вид, что тебе не насрать.

- О, прости, не хотела ввести в заблуждение, - Серафима

поправила очки, - Мне просто не хочется, чтобы ты умер вдали от моей станции. У нас уговор, что я вскрою тебя после.

- И то правда, - я ухмыльнулся своей наивности, - Сколько мне осталось, в лучшем случае?

Серафима долго смотрела на свои руки, испачканные в каких-то реактивах. Я точно знал, что её безумно раздражает грязь. И единственное, о чем она сейчас думает – скорее смыть всю эту дрянь с кожи.

- Достаточно, чтобы увидеть, как этот мир окончательно пойдет ко дну, - бросила она, не глядя на меня, - Но недостаточно, чтобы что-то изменить.

Я толкнул тяжелую дверь. И вышел прочь.

В лицо сразу ударил влажный, тяжелый воздух, пропитанный гарью и химикатами. За все годы я так и не привык к этому смраду. Внизу, на узких улицах, копошились тени - люди, чьи жизни зависели от того, соизволит ли Остров сегодня открыть шлюзы. Я поправил робу, чувствуя, как внутри черепа снова начинает нарастать тихий, вкрадчивый шум.

Мои ноги шагали по верхним мосткам - шаткой конструкции из ржавого железа и переплетенных кабелей, которая служила хребтом нашему сектору. С такой высоты люди внизу казались копошащимися насекомыми. Когда-то это ощущение здорово бы мне понравилось.

Я остановился у края, глядя вниз, на площадь перед распределительным узлом. Очередь за водой растянулась на три квартала. Сотни иссохших тел, зажавших в руках пустые ка-

нистры, как святыни.

Там же неподалеку раздался короткий вскрик. Тело проходившего по площади бедолаги повалилось в грязь, прижимая руки к животу. Пока убийца стягивал ботинки и одежду, толпа стоящих в очереди даже не пошевелилась.

Винить Императора в том, что происходит внизу, было бы слишком просто. Мудак? Безусловно. Но он лишь дал им то, чего они подсознательно жаждали - отсутствие выбора. Они сами построили свою тюрьму, кирпич за кирпичом, когда в первый раз промолчали в ответ на несправедливость. Когда в первый раз отвели глаза, видя, как забирают соседа.

Мир не стал таким потому, что пришел тиран. Тиран пришел потому, что мир уже был готов склонить голову. Мир жаждал чтобы его пришли и распяли. Надругались над всем святым. Растоптали на глазах у всех. И каждого потом заставили плюнуть в изувеченное лицо Мира.

Никто из них не захотел сопротивляться. Никто из них не дал отпор, когда пришли мы. И забрали их Свободу.

- Твари, - тихо произнес я, до конца не понимая, кого именно имею в виду, их или нас.

Я отвернулся от края и пошел дальше. Мои шаги по металлической сетке отзывались гулким эхом. Стальная цепь на лодыжке царапала кожу. Я был таким же пленником, как и они, с той лишь разницей, что я знал длину своего поводка.

Внезапно тишину мостков нарушил скрежет подошв по металлу. Не моих.

Я не успел обернуться. Резкий удар под колено заставил меня охнуть и рухнуть на железную сетку. Цепь на лодыжке отозвалась жалобным звоном.

Их было трое. Обычные обитатели низов, одетые в лохмотья, которые когда-то были униформой рабочих. Глаза - лихорадочно блестящие, пустые, отражающие лишь одну потребность. Зависимость.

- Гляди-ка, да его ноги совсем не держат! – гоготнул первый.

- Да ты смотри, - тут же подхватил второй, - От него же несёт, как от швали. Нажрался уже, гнида.

- Слышь, отец, - прохрипел тот, что явно был мозгом этой партии, - Мы с пацанами видели, как ты выходил от Фармацевта.

В его руке тускло блеснул кусок заточенной арматуры.

- Серафима просто так никого не принимает. Гони «Ату».

Я попытался подняться, но тяжелый ботинок врезался мне в грудь, вминая ребра внутрь. Воздух с присвистом вырвался из легких.

- У меня... нет «Ату», - выдавил я, чувствуя, как рот наполняется знакомым привкусом железа.

- Врешь! - еще один удар, на этот раз в челюсть.

Мир перед глазами вспыхнул и начал медленно вращаться.

- Смотри, отец. Мы ж тебя и покалечить можем. А оно зачем? – хриплый опустился на корточки возле меня, - Мы ж

люди воспитанные. О тебе, старом, беспокоимся. Куда тебе всякую дрянь принимать? Это ж наркота. Она для молодых. Им летать хочется, понимаешь. А тебе куда? Тебе не сегодня-завтра в землю ложиться. Какие полёты?

- У меня нет «Ату», - едва шевеля челюстью, произнёс я,
- Только стабилизатор в кармане

Хриплому ответ явно не пришелся по вкусу.

- Ищите в складках, живо!

Грубые руки начали шарить по моей робе, разрывая ветхую ткань. Они нашли капсулу-стабилизатор, которую дала Серафима. Хриплый поднес её к свету, и его лицо искажилось в гримасе ярости.

- Это не «Ату»! Вот ведь сука!

Он со злостью швырнул капсулу вниз. Затем посмотрел на меня. В его взгляде не было ненависти. Только скука и разочарование хищника, упустившего добычу.

- Зря время потратили. Извиняй, отец. Не твой день сегодня. Кончайте его.

Они не стали использовать заточку. Это было бы слишком милосердно. Они просто начали методично втаптывать меня в решетку мостков. Удары сыпались со всех сторон. В живот, в лицо, по израненной спине. Я не защищался. В какой-то степени это было даже правильно. Те самые «твари», которых я помогал создавать, теперь выбивали из меня остатки жизни.

Когда я перестал закрываться, двое подхватили меня под

мышки и потащили к краю.

- Сейчас и ты полетаешь, пидрила, - донесся до меня голос одного из громил.

Меня просто перевалили через ржавое ограждение.

Секунда невесомости показалась мне вечностью. Я падал спиной вниз, глядя на уходящие вверх переплетения мостков и тусклые огни. Шум в голове наконец-то смолк, уступая место свисту ветра.

Я закрыл глаза.

Глава 2

Я уже бывал в отключке. Неприлично много раз. Ощущения — вот совсем не такие, чем когда просто спишь. Это как падение в бездонную темноту. И беспомощность всегда постепенно уступает место реальности. Позволяя тебе прочувствовать каждую деталь твоего изломанного тела.

Холод. Это первое, что я ощутил. Пронизывающий, липкий. Что-то крайне неприятное затекало под воротник и пропитывало одежду. Потом пришла боль. И это не та боль, которую можно игнорировать. Нет. Она властвовала. Каждый вдох отзывался в правом боку таким хрустом, что без капли преувеличения, смерть от падения стала бы вполне гуманным финалом.

Я открыл глаза. Над головой, где-то в бесконечной вышине, угадывались своды старого коллектора. Склизкий бетон, по которому медленно ползли капли жирной, черной назавём это водой. Именно эта субстанция редкими каплями попадала мне за воротник. Я лежал на старом матрасе, который насквозь прогнил и вонял псиной, но это было всяко лучше, чем голый бетон.

Мир плыл. Контуры предметов двоились и расходились. Вообще, следовало бы ценить и такое состояние, после вертикальных прогулок с верхних мостков. Но я не умел ценить.

- Очнулся? - голос был совершенно не подходящим для

этого могильника.

Я попытался повернуть голову, но вспышка боли заставила меня зажмуриться. Когда зрение немного сфокусировалось, я увидел его. Юноша сидел на перевернутом пластиковом ящике в паре метров от меня. Совсем молодой, подросток. В его руках был какой-то блестящий обломок металла, который он методично протирал краем своего рукава.

- Ты кто? - вытолкнул я из себя, содрогаясь от новой порции боли в груди.

- Кретин. Так люди говорят, - ответил он и улыбнулся, - Правда, они частенько добавляют: «Эй, кретин, пошел вон» или «Ну ты и кретин». Другого имени не знаю.

Я сглотнул вязкую слюну. В голове все еще гудело, как в трансформаторной будке.

- Ты меня спас? Почему... почему я не сдох?

Я помнил полет. Помнил свист ветра. Высота там была такая, что шансов выжить практически не было.

Парень перестал тереть свою железку и внимательно посмотрел на меня. Этот его взгляд я таких никогда не видел он смотрел без злобы и попытки перехитрить.

- Не знаю, - честно признался он, - Ты просто упал. Я испугался сам очень. Думал, это мешок с мусором свалился, обрадовался даже. Иногда в мусоре можно объедки найти. Даже не сильно гнилые. А это ты был. Громко так шмякнулся. Повезло тебе, наверное. Может в полете за что-то зацепился. Я не видел. Очень сильно повезло.

Он подошел ближе и протянул мне кружку. От неё шел пар и вонь. Запахом этот аромат чего-то давно разложившегося никак назвать нельзя было.

- Пей. Мне это помогло, когда я ногу повредил. Да пей же, от него кости быстрее срастаются.

Я недоверчиво посмотрел на него. «Повезло»? В нашем мире не бывает везения. Везение здесь - это когда тебя пристрелят быстро, а не будут резать на куски ради забавы. Но я был жив. И с этим фактом было сложно спорить.

- Везение, - прохрипел я, принимая кружку дрожащими пальцами, - Нет такого слова, парень. Есть только расчет и случайность.

- Ну, значит, ты очень удачная случайность, - он снова сел на свой ящик, - Чуть позже я схожу за едой. Ты пока можешь то есть выбора-то у тебя нет лежи, в общем, тут. Здесь красиво, правда? Так вода бликует на трубах. И пахнет так интересно.

Я через боль огляделся вокруг, на слизь и нечистоты. Посмотрел на этого блаженного юношу, который видел здесь... что-то красивое.

- Ты и правда кретин, - выдохнул я, закрывая глаза.

- Я же говорю, - кротко согласился он, - Все так и называют.

Прошло три дня, или пять – было насрать по большому счёту. Какая разница? Когда тебя некому искать, когда нет того, о ком беспокоился бы ты неделя в вонючем коллекторе

или месяц – просто еще одна поганая страница в столь же поганой жизни.

Каждое движение превращалось в нестерпимую муку. Хочешь повернуться на бок? Получи разряд тока в позвоночник. Хочешь поправить своё тряпьё? Ребра ответят таким скрипом, что искры полетят из глаз. Я был беспомощным куском мяса, и это бесило меня больше, чем сам факт избивения. Даже не верится, что некогда я решал, кому жить, а кому гнить в грязи. Теперь я сам был этой грязью. И единственный, кто стоял между мной и окончательным разложением, был этот блаженный парень.

- Ты опять хмуришься, - он навис надо мной с нелепым выражением лица.

В руках он держал жестяную банку. Закрытую. С сохранившейся этикеткой. «Персики в сиропе». Да за такую жестянку могли вырезать целую семью, а он просто поставил её рядом со мной.

- Где ты это взял? - прохрипел я, с трудом сглатывая слюну.

- Нашел. Там, в квартале Норта. Повезло, правда? Жалко только тех, кто там лежал.

- Каких еще тех?

- Около этой банки. Они они умерли за неё. И она никому из них не досталась. Я забрал. Им же больше не нужно. Повезло, ага?

Я посмотрел на него. В его «везение» верилось всё труд-

нее. Но спорить не было сил. Он вскрыл банку обломком железа и протянул мне половинку фрукта, склизкую и приторно-сладкую.

Если говорить откровенно, принимать еду из чужих рук было унижительно. Моя полусдохшая гордыня скулила и кусалась. Но желудок оказался сильнее. Я ел, чувствуя, как липкий сироп течет по подбородку. Кретин смотрел на меня с таким восторгом, будто я совершал великий подвиг.

- Слушай, - я вытер рот рукавом, - Хватит называть себя кретином. Каждый раз, когда ты это произносишь, мне тебя отхлестать по морде хочется.

Он наклонил голову набок, точь-в-точь как любопытный щенок.

- Но все так говорят. Это удобно. Ты не подумай, я знаю, что это обзывательство. Но мне не обидно. А другим это нравится говорить. Мне не жалко.

- Нет, это как раз-таки жалко. Будешь... Джаспером.

- Джаспер? - он попробовал слово на вкус, забавно шевеля губами, - Почему Джаспером?

- Потому что, блядь, я так хочу, - его детскость за эти дни достала до невозможности.

Он рассмеялся. Чисто, искренне. Этот звук в коллекторе казался святотатством.

- Джаспер. Мне нравится.

- Как ты выжил вообще? - я попытался занять полусидящее положение, но боль резко заставила передумать, - В об-

ществе тварей и выродков такие как ты долго не живут.

Этот чудик сел на пол, привалившись спиной к холодной трубе, и обнял свои колени.

- Зачем ты про них так? Они не злые.

Я замер, чувствуя, как внутри закипает желчь.

- Это бешеные псы, Джаспер. Стадо, которое готово жрать друг друга ради секунды кайфа. И ты сдохнешь. Никто даже внимания не обратит на твоё тело. Если только не заметят чего ценного. Всем на всех насрать!

- Нет, - он покачал головой, и его взгляд стал на мгновение пугающе серьезным, - Они просто очень сильно напуганы. Они как дети, которые потерялись в темноте. Они это от страха. Они не виноваты. Им просто никто не сказал, что можно иначе.

Я хотел рассмеяться ему в лицо. Сдержался. Всё же Джаспером он был по моему указанию на деле же как был Кретином, так и остался.

- Ты дурак, Джаспер, - тихо сказал я, - Самый настоящий, каноничный дурак. Но, может, в этом твоё спасение.

- А может, и твоё, - он подмигнул мне и вытянул из банки ещё одну дольку персика.

Я закрыл глаза. Впервые за долгое время боль в ребрах немного отступила.

Проснулся от того, что тишина стала абсолютной. Костер Джаспера давно прогорел, оставив после себя лишь едкий запах горелой пластмассы и холод, который теперь беспре-

пятственно хозяйничал в моем теле.

- Джаспер?

Никто не отозвался. Только где-то в глубине коллектора крыса возилась в мусоре. Джаспер не вернулся. Ни через час, ни через день.

Жажда пришла быстро. Она была страшнее боли в ребрах. Горло пересохло так, что каждый вдох казался глотком раскаленного песка. Я не мог встать. Каждая попытка пошевелиться вызывала такую вспышку боли, что сознание просто гасло.

И вновь один. Выживать в таких условиях было даже как-то привычнее. Я перекатывался на живот, преодолевая тошноту, и слизывал ледяной конденсат с бетонной стены. Вкус цемента, плесени и чьих-то нечистот – вкуснятина, сука. Я пил эту грязь, прижимаясь щекой к холодному бетону, и ненавидел себя за то, что в очередной раз не смог нормально сдохнуть.

Банально, но по ощущениям, прошла вечность, прежде чем я услышал шаги. Тяжелые. Точно не Джаспер.

Вскоре гость ставшего уже моим коллектора появился в тусклом свете. Бродяга. Грязный, наверняка вонючий, с глазами, в которых не осталось ничего, кроме инстинкта стервятника. Он увидел меня и остановился. В его руках у него был зажат ржавый нож. Но этот недотёпа убрал его за пояс, жадно улыбаясь, как ему казалось, моему трупу.

Он подошел ближе. Опустился на колено рядом. И, да. Он

вонял. Запах гнилой плоти и дешевого спирта. А чем еще ему пахнуть, собственно. Уверен, что и мой аромат едва ли уступал моей жертве, возомнившей себя охотником.

Бродяга наклонился ниже. Это был последний в его жалкой жизни просчет.

Я рванулся вперед всем телом, игнорируя боль сломанных ребер. Схватил за плечо и за затылок. Вкус его шеи оказался непередаваемым.

Одним рывком я вырвал кусок грязного мяса.

Горячая, соленая кровь фонтаном ударила мне в лицо, наполняя рот металлическим вкусом. Бродяга захрипел. Он пытался оттолкнуть меня, но я вцепился в него мертвой хваткой.

Через минуту он затих. Я же зашелся в кашле.

Обыскать его было не просто первостепенной задачей. Это было единственно важным делом. Руки дрожали так, что я едва попадал в карманы его вонючей куртки. И там я нашел то, ради чего он, вероятно, убил не одного человека.

Шприц-ампула. Мутная, желтоватая жидкость. «Ату».

Я смотрел на него долго. Я знал, что эта доза, в моем состоянии, может стать последней. Но я должен был найти Крестина Джаспера. Я был должен ему жизнь. А долги надо возвращать.

Вот оно. Вспышка боли. Ясность. Резкая, холодная, хирургическая. Боль в ребрах не исчезла, но отошла на второй план, став просто фоновым шумом. Я видел каждую трещи-

ну на бетоне, каждый изгиб труб, каждую каплю.

Сила вернулась в мои мышцы. Не та мощь, какую бы я получил, будь состав чистым, а не уличной дрянью. Но этого было достаточно.

Я встал. Медленно, опираясь на стену. Сделал первый шаг. И на этот раз я не собирался падать.

Глава 3

Мир не изменился. Он не стал ярче, краски не потекли, и я не увидел ангелов. Мне только этого в довесок ко всему не хватало. Мир просто стал понятным.

Боль в ребрах превратилась в сухую статистику. Ну полomanы рёбра. Что с того? Допустимая нагрузка снижена. Движения не должны быть резкими. Мозг больше не тратил ресурсы на страх или сомнения. Он превратился в калькулятор.

Я стоял посреди коллектора, глядя на то место, где спал Джаспер.

Обычно просчитать маршрут человека не становится сложной задачей. Люди – всего лишь скот. Предсказуемы. Ищут тепло, избегают патрулей, выбирают кратчайший путь к еде. Но когда я попытался наложить сетку вероятностей на Джаспера, система дала сбой.

Его поведение не поддавалось логике. Обычной логике. Психически здорового человека. Этот кретин мог пойти на пост охраны, чтобы спросить дорогу. К Императору пойти за ответами, какого ж хрена в окружающем мире не так розово, как в его фантазиях. Его траектория была хаосом, который не поддавался анализу.

- Реально, сука, кретин, - прошептал я, чувствуя, как вычислительные мощности мозга буксуют в пустоте.

Но всё же. Логика в его поступках имеется. Логика непуганого идиота. Я решил зайти с другой стороны. Если нельзя просчитать путь, нужно просчитать цель. Зачем Джасперу уходить, оставив меня одного? Ответ лежал на поверхности, банальный и пугающий своей наивностью. Он пошел за лекарствами. Он хотел меня вылечить.

И в этом секторе было только одно место, где можно достать что-то серьезнее технического спирта.

До кабинета Серафимы я добрался быстро. Дверь была приоткрыта.

Я замер на пороге. Следы борьбы были повсюду. Опрокинутый стол, разбитые склянки, чья-то кровь на стене. Серафимы не было. Но она точно сражалась. И нет, она не проиграла. Но и не победила. Ей не пришлось отступить. Это попросту невозможно. Значит, она погналась. Без дозы «Ату»? Нет. С дозой. И не просто дозой.

Я опустился на одно колено возле операционного кресла. Там, в луже разлитого антисептика, красовалась наспех применённая капсула. Слишком знакомая, чтобы её спутать с чем-либо.

Это был не кустарный пластик, который гонят в подпольных лабораториях. Идеально гладкое стекло, биометрическая игла, золотая маркировка на этикетке. Чистый «Ату». Прямая поставка с Острова.

Такие вещи не присылают просто так. Это «Золотой Шанс». Удача, обязанность и испытание в одном флаконе.

Страница нашей жизни, которую мы все когда-то посчитали законченной.

- Прости, Джаспер, - пробормотал я, - Но твои поиски откладываются на неопределённый срок.

Если Серафима получила свою дозу, значит, она уже не врач. Она - охотник.

В углу, за ширмой, я нашел подтверждение своей догадке. Черный сейф-куб, идентичный тем, что мы использовали в «активные» годы. Он был пуст. Серафима забрала свой контракт и ушла.

Острову снова понадобились его цепные псы. И если Рассылка пришла ей, значит...

Я развернулся и вышел из кабинета, не оглядываясь. Моя квартира-явка была в часе пути отсюда. Там должен был ждать мой собственный пропуск в ад.

Мир медленно терял свою кристальную резкость. «Палёный Ату» выгорал. Но инерции препарата всё еще хватало, чтобы я держался ровно, а мыслил трезво.

Я шел по мосткам над сектором. Проходя тот отрезок, где мне посчастливилось полетать, я невольно улыбнулся. Через два квартала путь по верху оборвался - обрушенная секция заставила меня спуститься на грешную землю.

Вышел на широкую площадь, когда-то бывшую транспортным узлом. В центре высился постамент от памятника какому-то забытому герою или тирану. Между ними обычно крайне малая разница. Сейчас на постаменте стояла женщи-

на. На вид ей было около тридцати, но в этом городе возраст - понятие условное. Её одежда была чище, чем у большинства, а голос – звонче, и это было её проклятием. Только она этого пока не понимала.

- ...Остров жирует на нашей крови! - кричала она, размахивая руками, - Сколько еще мы будем грызть кости, которые нам кидает Император? Мы люди! Ничем не хуже тех, что на Острове! Посмотрите на свои руки!

Я остановился. Вокруг громогласной собралась толпа. Серая, безликая масса, затянутая в лохмотья.

- Тявкает-то как смело, - прохрипел кто-то рядом со мной.

Реакция последовала незамедлительно. Со стороны ближайшего блокпоста выдвинулась «дружина». Местные вышибалы, которым Император позволял носить дубинки и чуть более сытно жрать за то, что они держат остальных в стойле. Четверо здоровяков в грязных шлемах бесцеремонно растолкали толпу.

Один из них рывком стащил женщину с пьедестала. Она вскрикнула, упав на колени. Первый удар дубинкой пришелся ей по плечу, второй - по спине.

- Вот тебе и свобода, сука! - взревел один из дружинников.

И тут я услышал то, что Джасперу бы очень не понравилось. Толпа не ахнула от ужаса. Она... заплодировала.

- Так её! Мало ей! - неслись выкрики из толпы, - Ишь, умная нашлась! Работать иди, тварь!

Я смотрел на это с ужасающим удовлетворением. Мы сде-

дали это настолько мастерски, что я каждого из нас искренне презирал. Уровень деградации поражал. Джаспер видел в них детей. Я видел только гниль, которая пожирает саму себя, чтобы почувствовать минутное превосходство.

Хотел было я двинуться дальше, стараясь не привлекать внимания, но мой взгляд - слишком прямой и спокойный для этого места - выдал меня. Двое дружинников, разгоряченных избиением, преградили мне путь.

- Куда прёшь, пидрила? - один из них, с разбитой губой и глазами, затуманенными дешевой бормотухой, ткнул дубинкой в сторону моей груди, - Что-то не нравится? Сочусту совчувсту сочувству ебать, бля! Жалко тебе её?

Второй подошел сбоку, поигрывая увесистым куском арматуры, обмотанным изолентой.

- Чё молчишь? - пробасил он, - Тебя уважаемый человек спрашивает. Рискни, тьякни что-нибудь про справедливость. Мы тебе быстро все зубы выьем, будешь кашу через трубочку сосать.

Я посмотрел на них. Мозг мгновенно выстроил векторы: удар в гортань первому, перелом колена второму. Но рёбра тут же отозвались тупой, предупреждающей болью. Доза была на исходе. Регенерация еще не запустилась. Вступать в драку сейчас было нерационально.

Я слегка улыбнулся. Не той доброй улыбкой Джаспера, а тонкой, хищной ухмылкой человека, который знает, что его время еще придет.

- У каждого своя работа, парни, - тихо сказал я, - Не смею вам мешать.

Дружинники переглянулись. Моё спокойствие их явно сбило с толку. Тут либо боятся, либо бросаются с ножом. Я не сделал ни того, ни другого.

- Вали отсюда, пока ноги носят, - буркнул тот, что был с дубинкой.

Я прошел мимо, кожей чувствуя их взгляды в спину. Скоро я буду на месте. А там. Там меня ждет чистый «Ату». Настоящий, из лабораторий Острова. Он не просто уберет боль. Он запустит все процессы на полную мощность. Раны затянутся за часы, а кости срастутся к утру.

Вот тогда мы и посмотрим, кто здесь будет «тявкать».

Дверь моей квартиры-явки поддалась не сразу. Старые петли, не знавшие смазки долгие годы, отозвались протяжным, надрывным стоном.

Внутри было тихо. Странно, если бы было иначе. Воздух был тяжелым, спертым, пропитанным запахом многолетней пыли. В свете тусклого аварийного фонаря было видно, как всё вокруг затянуло серой пеленой паутины. Однако идеальный узор запустения был нарушен. Пыль на полу была хаотично разбросана, а длинные нити паутины свисали рваными лохмотьями. Здесь недавно работал почтовый дрон с Острова. Эти трудяги не заботятся о чужом покое.

На массивном металлическом столе, прямо в центре, стоял он. Черный, идеально матовый куб. «Золотой Шанс». Мы

так его сами прозвали. Официального названия не было. А это прижилось.

Я замер у входа, привалившись плечом к косяку. Палёный «Ату» окончательно покинул мой организм, и реальность обрушилась на меня во всей своей красе. Каждый вдох теперь давался с трудом, рёбра пульсировали раскаленной сталью, а в голове снова зашумел проклятый трансформатор.

Я не хотел подходить к столу. В глубине души я надеялся, что квартира окажется пустой. Что после моего скромного демарша Император давно вычеркнул меня из списка своих дрессированных пёсиков. Но тело решило за меня. Мне было плевать, чью голову на этот раз заказал Наше Святейшество. Мне было плевать на политику Острова и судьбы мира. Мне нужна была доза. Настоящая, чистая, способная собрать это изломанное недоразумение, которое я называл своим телом, воедино. И добавить при этом пару миллиметров в диаметре моей опухоли.

Шатаясь, я доковылял до стола.

- Объект Двенадцать, Аскет, - прохрипел я, попутно прикладывая ладонь к сенсорной панели на крышке сейфа.

Синий огонек пробежал по моей коже, считывая папиллярные линии и подкожный рисунок вен. Раздался мягкий, почти интимный щелчок разгерметизации. Крышка плавно ушла в сторону.

Внутри, в мягком ложементе, ровными рядами светились десять шприц-капсул. Десять билетов в мир без боли. В мир

моего личного могущества. Под ними лежала плотная пластиковая папка и одинокий снимок.

Я не стал сразу хвататься за лекарство. Мой взгляд приковало фото.

С глянцевої поверхности на меня смотрел он. Джаспер.

Снимок явно был сделан давно. Гораздо больше лет назад, чем можно было дать пацану на вид. И самое крупное дерьмо состояло в том, что я прекрасно знал не только обстановку на фото, но и обстоятельства при которых такие фото делали. Ведь там на Острове, среди личных дел всех псиоников, лежала и моя такая фотография. Сделанная аккуратно в той же комнате.

Я долго смотрел на его лицо. В памяти всплыл вкус персикового сиропа и его кроткое: «Они просто напуганы».

Дрожащими то ли от боли, то ли от необъяснимого страха пальцами я раскрыл папку. На первой же странице, выведенное жирным шрифтом, красовалось:

ОБЪЕКТ: НОЛЬ.

СТАТУС: ВЫСШИЙ ПРИОРИТЕТ.

ЗАДАНИЕ: ДОСТАВИТЬ НА ОСТРОВ ЖИВЫМ. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ.

ПРИМЕЧАНИЕ: ОСОБО ОПАСЕН.

Я медленно положил папку на стол. И перевернул фото лицевой стороной вниз.

- Ну Кретин, ты и сука, - прошептал я, беря одну из капсул, - И чего я сдохнуть-то спокойно не могу, а?!

Я вогнал иглу в шею. Поршень мягко ушел вниз.

Глава 4

Чистый «Ату» не просто вернул мне зрение - он заново собрал мой мир из осколков.

Боль ушла, сменившись ледяным, вибрирующим гулом в основании черепа. Я чувствовал, как клетки моего тела ускоряются, как срастаются микротрещины в ребрах, и как опухоль - мой личный таймер - жадно впитывает энергию, прибавляя те самые заветные миллиметры. Но сейчас это не имело значения.

Я закрыл глаза, позволяя мозгу прокрутить назад недавние кадры из кабинета Серафимы. Теперь, под действием настоящего препарата, я видел то, что пропустил в бреду «палёной» дозы.

Реконструкция.

Серафима стояла у операционного кресла. Сейф уже был открыт. Тогда в дверь постучал Джаспер. Он даже понятия не имел к кому собрался наведаться за помощью.

Она ввела себе препарат. Осторожно. Чтобы Джаспер не заметил. Она работала как хирург. Точно и беспощадно. Нужно взять живым. Пятна крови на стене. Откуда? Серафима начала использовать оружие? Конечно же нет. Тогда что? Кровь Серафимы. Практически невозможно, но факт остаётся фактом. Ну, естественно. Ему повезло.

Я отчетливо увидел эту картину: Серафима спокойна.

Всегда. Она не суетится. Просто по ею излюбленной тактике наполняет воздух парализующим газом. Но для этого ей приходится менять пространство на молекулярном уровне. И стоящая на лабораторном столе колба с уличной версией «Ату» взрывается осколками. Осколок влетает Серафиме в плечо. Несколько осколков находят Джаспера. Адреналин, подаренный болью, заставляет его проснуться от действия газа.

И он убегает. И одна из лучших гончих просто не может его догнать.

- Ты не просто везучий, парень, - прошептал я, глядя в темноту пустой квартиры, - Ты невозможно везучий.

Теперь статус «Объект Ноль» обрел для меня зловещий смысл. Если мы, наемники и псы Острова, были продуктами серийных экспериментов, то Джаспер был Первым. Тем самым «нулевым пациентом», на котором впервые проверили теорию.

Нас выпустили в мир, чтобы мы его контролировали. Его же держали под семью замками, в стерильной тишине лабораторий, не ради его безопасности, а чтобы убереечь мир от его присутствия. И сейчас это оружие гуляло по секторам, разыскивая таблетки от кашля.

Серафима получила ранение, и это сделало её смертельно опасной. Она не прощает такого. Она будет выжигать квартал за кварталом, пока не загонит парня в угол, где его удаче не за что будет зацепиться.

Мне нужно было знать, где она сейчас. А в этом городе был только один человек, способный знать это, не покидая своего кресла.

Я вышел из квартиры, не оборачиваясь. Дверь захлопнулась.

Путь к старому театру пролегал через невидимую границу. Как только я пересек черту Сектора Папессы, мир вокруг изменился. Нет. Грязь никуда не делась. Те же лужи, те же горы мусора и ржавые конструкции. Но здесь она казалась структурированной.

Это была территория абсолютного порядка, выстроенного на тотальном страхе и взаимном интересе. Члены враждующих банд, которые стояли в паре метров друг от друга, старательно не замечали соседства. Никто не смел устраивать разборок. Нарушить мир Папессы означало исчезнуть навсегда. Причем так, что никто не решится начать поиски.

Здание самого театра странным образом вписывалось в этот сектор. Впрочем, вся территория моей давней коллеги строилась от этой точки. В дни нашей активности я бы и подумать не мог, что Вторая настолько театральная как бы нелепо это не звучало.

У входа меня ждали двое. Это не были те тупоголовые громилы из дружины, которых я встретил на площади. Эти стояли в расслабленных, но выверенных позах профессиональных убийц. Легкая броня под куртками, укороченные автоматы. Они точно знали, когда и как прервать чужую

жизнь.

Я остановился в пяти шагах.

- К Папессе, - коротко бросил я, - Сообщите, что Аскет пришел.

Никто из охранников даже не шелохнулся. Один, что с наиболее отвратительной мордой лица, окинул меня пренебрежительным взглядом.

- Проваливай на хер. Она сегодня не принимает. Хочешь подохнуть, так выбери другой день. Не в мою смену.

Его напарник чуть заметно качнул стволом, намекая, что разговор закончен. Но я продолжал стоять. Я знал, Папесса уже почувствовала мое присутствие. Оставалось только дожидаться, когда ей надоест этот акт представления.

В этот момент тяжелая дубовая дверь театра со скрипом открылась.

На пороге появился мужчина. Он выглядел до дикости неуместно. Только вот иного ожидать было бы глупо. Пожилой, с безупречно прямой осанкой, одетый в потрепанный, но тщательно вычищенный костюм театрального дворцового. Белые перчатки были серыми на кончиках пальцев, а рукава – засаленными на манжетах.

Охранники мгновенно подобрались, их наглость испарилась, сменившись угрюмой исполнительностью.

- Госпожа ожидает, - произнес старик дребезжащим, но властным голосом, - Проходите, сударь.

От этого «сударь» меня даже передёрнуло слегка. Но ак-

тёр погорелого театра сделал приглашающий жест, едва заметно склонив голову. И охранники нехотя расступились, освобождая путь.

Я прошел мимо них, чувствуя, как их недоумение смешивается с зарождающимся страхом. Дворецкий придержал для меня дверь, и я шагнул внутрь.

Зрительный зал выглядел даже пугающе. В полумраке кресла зала казались ровными шеренгами мертвецов, застывших в ожидании финала. Но когда я переступил границу рампы и поднялся на сцену, декорации сменились.

Здесь вся театральщина заканчивалась. Вся эта фальшь и притворное безумие уступали место сухой, выверенной функциональности штаба. На огромной доске была распластана карта секторов. Разумеется, раскрашенная в разные тона. Каждый цвет означал банду. Ох и развелось же грязи. На массивном письменном столе стопками лежали папки. Досье. Главное оружие Папессы. Главный страх множества мразей. Рядом располагались стойки с короткоствольными автоматами и запечатанные цинки с патронами.

В углу, словно призрак из нашего общего прошлого, на манекене застыл её боевой костюм. Глядя на него, я невольно отступил назад. Как бы я не презирал то время свой костюм я так и не уничтожил.

Сама Вторая стояла у карты. Она была слепа, но двигалась с грацией хищника, который видит мир не глазами, а кожей. Её белёсые зрачки замерли, когда я подошел ближе.

- Двенадцатый, - она одарила меня своей лживой улыбкой, - Рада нашей встрече. Зря ты так поспешил, мой друг. С такими травмами, даже под действием «Ату», лучше бы дать организму день-другой покоя.

Знает. Уже знает. Впрочем, чему можно удивляться? Было бы странно, если бы она не была в курсе. Я начал рыскать глазами в поисках чёрного куба. Но к моему изумлению сейф, какой я обнаружил притороченным к стене, был закрыт.

- Мне оно ни к чему, - словно почувствовав мой взгляд произнесла Папесса, - Не нужно прибегать к псионике, чтобы найти информацию о падающем с мостков человеке.

- Знаешь что в сейфе? – спросил я, прекрасно понимая, что Вторая солжет.

- Мне неинтересно, - она наигранно пожала плечами и развела в стороны руки, - Дел и без того многовато, мой друг. Потребности Императора меня мало волнуют. А получать право на проживание на Острове я не намерена.

Под действием чистого «Ату» я понимал всё. Это никогда не сопровождается спецэффектами в магическом стиле. Нет. Ни цветов ярче. Ни золотистых полос в воздухе. Просто осознание. Всего.

- Тем более, - я понимал, что подыгрывать ей куда полезнее, нежели разоблачать, - Вероятно, и конкурентов немало. Близнецы в деле, тут даже сомнений быть не может. Абракас, естественно.

- Конечно-конечно, мой друг, - Папесса опустилась в широкое кресло с пятнами на подлокотниках, - И тебя захватил азарт, не так ли? Ты в погоне, я чувствую. Но тебе не нужен Остров. Зачем же тебе эта охота?

- Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь, Вторая, - я расположился на диване напротив, - Мы можем поиграть еще. Поверь, твоё общество мне даже приятнее отражения в зеркале. Только, боюсь, времени у меня маловато. Мне нужна Серафима.

Папесса издала короткий, сухой смешок.

- Времени маловато, однако же, ты опустился на диван.

- Чтобы не оскорбить тебя. Да и не по рангу мне быть над тобой.

Она не смотрела на меня. Но смотрела внутрь меня. Ей покоя не давала загадка – на кой хрен я гонюсь за Серафимой, если не собираюсь выполнять задание. А в том, что я этого делать не собираюсь, Папесса уверена была как ни в чем ином в этой жизни.

- Допустим, - она наклонилась в кресле в мою сторону, - Наша девочка всегда была слишком импульсивной. Она может быть где угодно. Я лично понятия не имею, где она конкретно.

Ложь. И без препарата я бы не поверил ей. Тут же и совсем шансов обмануть меня не было никаких. Естественно, Вторая знала это. Просто проверяла – насколько важно это для меня.

- Что ж, рад был встрече, - я даже не пошевелился, - Не подумай, что я пытаюсь играть, это последнее, чем бы я стал заниматься. Но придётся идти к Лютику.

- Он убьёт тебя только за то, как ты его называешь, - она поднялась с кресла и демонстративно повернулась ко мне спиной, - Довольно детская попытка сыграть на моей гордыне.

- Ты меня знаешь, Вторая, - я поднялся вслед за Папессой, - Я не лгу. Не хочу идти к нему. Разве что на похороны его приду. И то только для того, чтобы убедиться, что этот пидор сдох. Но он обладает информацией.

Папесса замерла. Некоторое время мы стояли молча. После чего я был удостоен самого медленного разворота корпуса в истории. Она сделала шаг навстречу, почти касаясь меня.

- Ты даже не представляешь, - прошептала она, - Насколько ты близок сейчас к прорицанию. Но оставим это. Считай это моим подарком тебе. Ты мне за него ничего не должен и ничем не обязан.

Она подошла к карте. Если смотреть на Вторую со спины, то можно было поверить, что эта женщина вполне себе зрячая.

- Серафиму видели час назад у старого автозавода. Там сейчас Китон пытается изображать из себя короля свалки.

Я кивнул, уже разворачиваясь к выходу. Информация была получена.

- Она открыла свой сейф, - бросил я через плечо, уже ступая на ступени, ведущие в зал.

Папесса повернулась ко мне. Практически рывком. На лице её виднелась скромная пародия на улыбку.

- Как же жалко мальчишек Китона. Толковые были ребята, исполнительные.

Я не стал отвечать.

Глава 5

Завод Китона не отличался от сотен подобных строений. Реалии внесли некоторые правки. Нищета. Разруха. Корпуса автомобилей и крыши в качестве баррикад и укреплений. Звук громяющих жизнью цехов давно затих. Но тишина завода сейчас была иной. Намного страшнее любого грохота. Здесь тишина всегда означает, что чья-то жизнь окончательно закончилась. В конкретно этом случае – много жизней. Неприлично много.

Я шел по подъездным путям. Никаких следов взрывов, ни одного выбитого окна, никакой развороченной техники. Но повсюду лежали те, кто должен был охранять святую святых Китона.

Первого я нашел у ворот. Он сидел, прислонившись спиной к бетонному блоку, всё еще сжимая в руках так и не пригодившуюся винтовку. На его лице застыла гримаса такого запредельного ужаса, что невольно вздрагиваешь. Глаза превратились в мутные стекляшки, а кожа на лице и руках пошла пузырями и лоскутами, словно бедолагу на несколько секунд окунули в концентрированную кислоту.

Я присел рядом, не касаясь трупа. Запах был специфическим. Знакомым. В какой-то степени родным. Резкий. Бьющий в ноздри. Химия с кислым ароматом разлагающейся органики.

- Не повезло тебе, - прошептал я, - Но это она еще пощадила. Ты уж поверь.

Это был её почерк. Четырнадцатая не любила тратить свинец. Парни Китона даже не поняли, что убило их. Они вдыхали смерть, которая плавила их легкие изнутри и обжигала кожу снаружи прежде, чем сигнал о боли успевал дойти до мозга.

Снаружи она работала эффективно. С минимальным риском. Но стоило мне переступить порог главного сборочного цеха, как картинка стала совершенно иной.

Внутри холодный порядок смерти сменился первобытным хаосом бойни.

На полу - россыпи стреляных гильз, перевернутые погрузчики, разбитые вдребезги инструментальные шкафы. Повсюду была кровь и тела.

След от скольжения ботинок Серафимы - она ушла перекатом от автоматной очереди. Следы свежего окисления на стальной колонне - она использовала свои химические гранаты. Почему не свою способность? В чём было отличие?

Джаспер.

Серафима не могла рисковать. Если бы она применила свою силу здесь, Джаспер превратился бы в такой же кусок мяса, как те охранники у ворот. Ей нужен был «Объект Ноль» в целостности и сохранности. И ради этого Четырнадцатая опустила до уровня уличного бандоса.

Она стреляла, дралась врукопашную, прорывалась сквозь

людей Китона. Я следовал за нею в выстраиваемой моим мозгом картине. Она была ранена. Здесь незамеченный ею с фланга противник достал её короткой очередью.

- К чему нужна была такая спешка? – задал я вопрос самому себе.

Я двинулся вглубь цеха, переступая через очередное тело. Как планы мои пришлось в спешном порядке менять кардинальным образом. Впрочем, это было ожидаемо.

Рев форсированных движков. Скрип тормозов, хлопки дверей. Хозяин изволил пожаловать. Остатки банды Китона прибыли на пепелище своей империи.

Я не пытался бежать. Между вариантами встретить их лицом к лицу или попытаться сокрыться внутри, жестокие цифры реальности указывали на меньшую вероятность моей смерти в первом случае.

Китон вышел из головной машины. Крупный, обвешанный самодельной броней, с лицом, напоминающим залежалую картошку. Местами даже подгнившую. Он обвел взглядом цех, и я увидел, как на его шее вздулись вены. Его лучшие люди превратились в куски мяса, а посреди этой мясной распродажи стоял я. Бледный, подыхающий мудака в обносках.

- Ну, шо тебе пиздец, это даже не обсуждается, - его голос вибрировал от сдерживаемой ярости, - Варик тока один. Ты говоришь, шо за пидор перебил моих парней. А я убиваю тебя быстро.

- Я прибыл пару минут назад, Китон, - я старался говорить спокойно, - Пацана одного ищу.

Китон оскалился.

- Ты чо, падла? Ты чо как смотришь? Я рвать тебя буду. Кого видел?! Говори!!!

Он сорвался. Последние фразы он не прокричал даже, а проорал. Еще малость и перешел бы на визг. Вероятно, кого-то этот подзаборный сленг и громкий слюнявый крик пугает. Меня больше настораживало количество боевиков у него за спиной.

- Никого, говорю же, - я сделал пару осторожных шагов назад, - Посмотри на меня. Я не из тех, кто совался бы в такую мясорубку. Пацана я ищу. Знаю, что в сторону завода побежал. Вот я и

- Завали, сука!!! – Китон выхватил из-за пояса пистолет, - Чо ты мне втираешь?!

Нет. Боя не избежать. Я мог бы сомневаться в этом. Мог бы тешить себя ложными надеждами. Но не тогда, когда во мне чистый «Ату».

- Насколько жалкими нужно быть, чтобы служить под твоим началом? – произнёс я, глядя ему прямо в глаза, - Ты же тупой.

- Кончайте его, - коротко бросил глава некогда крупной фракции.

Десяток стволов качнулись в мою сторону. Время пришло.

Я активировал способность.

Мир не просто остановился. Звук захлебнулся, превратившись в низкий, едва уловимый гул. Мое тело замерло, как скованное параличом. Это была цена. Я был пленником в собственной застывшей оболочке, но в этой паузе я был богом.

Анализ.

Ничего хорошего. Прямо по курсу - три стрелка. Векторы прицеливания пересекаются в районе моей груди. Обидно. Время до выстрела - 0,2 секунды. Вообще погано. Справа - ржавый станок, единственное надежное укрытие. Там же лежит боец. Прилёг отдохнуть, да взял и помер. Винтовка лежала возле его тела.

Расчет.

Если я уйду перекатом сразу после начала движения, первая очередь пройдет в миллиметрах от плеча. С обидной долей вероятности – зацепит. Не смертельно. В данной ситуации это уже было подарком Судьбы.

Мозг послал сигнал мышцам.

Мир взорвался звуком и движением.

Я рухнул на пол за мгновение до того, как воздух там, где я только что стоял, превратился в свинцовый кошмар. Бетонная крошка больно полоснула по щеке. Перекат. Жесткий, болезненный, отдающий в еще не зажившие ребра. Мои пальцы сомкнулись на холодном металле винтовки.

- Куда?! Сука! - взревел кто-то из бандитов.

Я вскинул оружие, отвечая короткой, экономной очередью. Один из стрелков Китона дернулся и сполз по стене, оставляя на грязном бетоне жирный красный след.

Начался хаос. Не любил я это. Выбирать не приходилось.

Забился в узкую щель между массивной станиной прессы и бетонной колонной. Свинец колотил по металлу с монотонным ритмом отбойного молотка.

Я высунулся на долю секунды, поймал в прицел голову второго бойца и нажал на спуск. Минус один. Давно забытое чувство. Всё ещё приятное.

Но их было слишком много. И они были злы.

- Ну шо, гнида?! - орал Китон, прячась за бетонным столбом, - Моли Богов, что б сдохнуть! Выживешь – я тебя убивать буду долго!!!

Острая, обжигающая боль внезапно прошла левый бок. Я вскрикнул, прижимаясь к бетону. Пуля прошла навывлет, задев мягкие ткани. Шансов на мою победу изначально было не очень-то и много. Сейчас же они таяли окончательно.

Я сдерживал их, я огрызался огнем, но кольцо сужалось. Вот, вроде бы, я всё время жаловался, что сдохнуть никак не могу. И вот он шанс. Только подышать чего-то совсем не хотелось. Ну не сейчас во всяком случае.

Я стиснул зубы, чувствуя, как сознание начинает подплывать от потери крови. Приготовился к последнему рывку, понимая, что следующая «пауза» может стать для меня последней.

И в этот момент в цеху раздался тонкий, высокочастотный свист. Едва различимый в грохоте выстрелов. В разбитые окна под самым потолком цеха ворвались две тени. Они не летели. Они падали. Как коршун падает на свою добычу.

Два дрона. Один глубокого иссиние-черного цвета. Второй пепельно-белый. Ох уж эта показушность и любовь к псевдо-символизму моих коллег. Дроны заложили крутой вираж над конвейерной лентой, и воздух тут же наполнился ритмичным, сухим лаем скорострельных пушек.

Это не была перестрелка. Это была экзекуция.

Дроны работали в паре. Черный дрон шел по низу, выкашивая тех, кто пытался спрятаться за станками. Белый парил выше, методично пробивая черепа тем, кто засел на мостках. Под действием препарата я видел не только машины. Но и того, кто за ними прятался. Того, кто сам становился частью механизмов.

Бандиты Китона умирали, не успевая даже вскрикнуть. Громилы, только что чувствовавшие себя хозяевами жизни, превратились в беспомощные мишени.

Китон струхнул. Он бросил своих людей, рванувшись к выходу мимо тяжелых прессов. Он задыхался. В его глазах, когда-то полных спеси, теперь плескался животный, первобытный страх.

Но выход уже был занят.

В дверном проеме стояла фигура. Мужчина в мотоциклетной броне, усеянной хромированными вставками и дат-

чиками. И, естественно, авиаторы. Куда же без них?

Райдер. Седьмой.

Китон затормозил так резко, что едва не упал. Подошвы его сапог прочертили по пыльному полу две черные полосы. Он вскинул свой пистолет, его рука дрожала, но отчаяние заставило его нажать на спуск.

Три пули вылетели из ствола, неся в себе достаточно кинетической энергии, чтобы свалить быка. Но они не достигли цели. В метре от Райдера пространство словно превратилось в густой кисель. Свинцовые капли не просто замедлились. Они замерли, зависнув в воздухе, словно наткнулись на невидимую стену. Я видел, как вокруг них еще дрожит разогретый воздух, как медленно вращаются пули, бессильно вгрызаясь в пустоту.

Райдер даже не шелохнулся. Он слегка наклонил голову, изучая застывшие перед его лицом снаряды с видом энтомолога, рассматривающегодохлых мух. Китон в ужасе щелкнул бойком еще раз, но пистолет ответил лишь сухим щелчком.

- Здорова, Бармалей, - произнес Райдер.

Китон бросился в сторону, надеясь укрыться за штабелем стальных листов. Но два дрона уже зависли по бокам от него. Короткая вспышка, дулет из четырех стволов, и тело лидера банды превратилось в бесформенный кусок из плоти, ткани и рваного металла.

Тишина вернулась в цех так же внезапно, как и ушла. Только гильзы еще звякали, скатываясь по бетону.

Райдер прошел мимо застывших пуль. Стоило ему коснуться их плечом, как они просто осыпались на пол безвредными кусочками свинца. Он, не спеша, направился ко мне.

Седьмой остановился в пяти шагах, убрал руки за спину. На его лице играла легкая, почти дружеская улыбка.

- Привет, - сказал он, окинув взглядом мои окровавленные обноски, - Не ахти видок.

И Райдер протянул мне руку.

Глава 6

Я не стал изображать из себя недотрогу и принял протянутую руку. Вторая рука была прижата к боку. Горячая кровь еще пульсировала между пальцами. Препарат поможет остановить кровь. Даже рану затянет. Но у всего имелся свой ресурс. В том числе и у моего сильно поношенного тела.

- Ты опоздал, Седьмой, - прохрипел я.

Райдер ничуть не обиделся. Он плавно убрал руку и поправил свои авиаторы, в которых отражалось моё совсем несимпатичное лицо.

- Опоздал? - он усмехнулся, - Я просто ценю эффективное появление.

Он повернулся спиной и зашагал вглубь цеха. Мне не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Прихрамывая и стараясь не оставлять слишком явный кровавый след.

- Я был уверен, что станешь первым, - подал я голос, - Кстати, это всех всегда бесило. Ну, что б ты знал.

- Так я и знаю, - Райдер замер, - Пусть гоняются. Ты в курсе, кто участвует в Охоте?

- Серафима точно. Близнецы – наверняка. Вторая пока отскакивает, но ей верить, что себя не уважать. Мать вряд ли. У неё что-то вроде приюта в Зеленом Секторе. Она не бросит своих отпрысков. Леди присоединится, куда ж без неё.

Про остальных ничего не слышал.

- А ты? – Седьмой повернулся и снял очки, пристально взглядываясь, - Зачем тебе на Остров?

- Думал поссать на сапоги Императора, - откровенничать с Райдером я точно не собирался.

Он всё правильно понял и принял мудрое решение этот разговор не продолжать.

- Значит, соперники, - Седьмой вернул очки на место, - Отлично. Но предлагаю объединить усилия. Мне пригодится твой талант. Я же отплачу тем, что не дам остальным тебя прикончить.

Он присел на корточки, изучая глубокую борозду на бетоне.

- Ты даже не представляешь, Аскет. Как классно вновь двигаться. Вернуться в строй.

- Серафима ранена, - проигнорировал я попытку Райдера вновь выйти на личные беседы, - И ранена крепко. Пацан явно смог оторваться от неё на значительное расстояние. Преследовать его открыто она не станет. Не дура. Но и из виду упускать не захочет. Ей надо дать ему ложную уверенность в собственной безопасности.

Я подошел к задним воротам цеха.

- Он захочет уйти туда, где ему будет привычнее всего.

- И это? – в голосе Райдера проскочили нотки нетерпения.

- Коллектор, - я кивнул в сторону канализационного люка.

- Тогда мы уже проиграли гонку, - Седьмой покачал голо-

вой, - На месте Серафимы, я бы немедленно пошел за ним. С её способностью, да в узком пространстве – парень сам не поймёт, чего его так в сон клонит.

- И ты бы умер. Если бы поступил так. Но беря во внимание, что Серафима поумнее тебя будет, она не сунется туда.

- Это еще с какого? – Райдер явно оскорбился.

- С такого, что пацан-то не простой. Ему чертовски везёт. И нам придётся постараться, чтобы переиграть его везение.

Я осмотрелся вокруг.

- И для начала неплохо было бы узнать, куда ведет эта канализация

Райдер усмехнулся. Той своей фирменной улыбочкой. Я не видел его глаз, но знал - за темными стеклами авиаторов, бешено мечутся зрачки. Он разделял свое сознание.

Два дрона разошлись в разные стороны с сухим, хищным шелестом винтов. Иссиня-черный дрон, сложив плоскости, нырнул в тёмную пасть коллектора. Второй рванул вертикально вверх, закладывая широкую спираль над промышленными руинами.

- От меня не спрятаться, - голос Райдера звучал ровно, но в нем уже проскальзывала металлическая сухость, которая меня всегда в нём пугала, - Ох этот сладостный вкус охоты.

Я кивнул, хотя не был с ним согласен. Я прижал локоть к раненому боку, чувствуя, как «Ату» внутри меня принимается за работу. Боль притупилась, сменившись странным, холодным зудом. Это значило, что ускоренная регенерация

уже запущена.

- Пошли, - бросил я, - Нам нужно к Старым докам.

- Пошли? Пешком? – Райдер даже на фальцет перешел, - С ума спятил?

- Пешком. Нам нужны детали. А их не заметить на скоростях, к каким ты совершенно напрасно равнодушен.

- Дриопитек, - бросил он, но явно смирился.

Мы двинулись через завалы заводского двора. Путь был тяжелым. Этот сектор будто нарочно был превращен в нагромождение ржавого железа.

Поначалу Райдер шел сбоку от меня. Время от времени уходя на несколько шагов вперёд, словно демонстрируя, как ему мерзко двигаться с моей скоростью. Его походка была безупречной. Пружинистой, точной, словно за его движения отвечал гироскоп. Но через полкилометра что-то изменилось.

Я услышал это раньше, чем увидел. Хотя и ожидал. Моя доза «Ату» тоже была на исходе. Тяжелый, шаркающий звук подошвы по щебню. А потом — глухой удар.

Райдер стоял, нелепо завалившись на бок и упираясь рукой в корпус старого автомобиля. Его плечо мелко подергивалось. Он попытался сделать шаг, но его нога лишь бесильно прочертила дугу, словно сустав внезапно наполнился свинцом.

- Сможешь дальше идти? - спросил я, останавливаясь.

Седьмой не ответил сразу. Гроза всего медленного едва

дышал. Он едва поднял голову, и я увидел, как его челюсть странно отвисла, а веко правого глаза начало опускаться. Не знай я истинной причины – я бы грешил на инсульт. Причем обширный.

- С-с-с-сука... - выдавил он, - С-слишком много... на дров... уходит.

Он споткнулся снова, на этот раз чуть не рухнув на колени. Его тело дергалось в конвульсиях, которые случаются, когда мозг требует скорости, а мышцы отвечают параличом. В этом состоянии он был не просто бесполезен, он был обузой. Куском элитного мяса в дорогой броне.

Я подошел ближе.

- Где капсулы? Давай вколю.

- Отстань!!! – рыкнул Райдер.

- Ты же сейчас даже пальцем не шевельнешь.

- Пройдет ща просто погоди малость

Райдер замер. Его рука, всё еще упирающаяся в стену, сжалась в кулак с таким усилием, что кожа на костяшках побелела. Он медленно, с чудовищным усилием, качнул головой.

- Отпускает... Девять ампул всего... это мало. Дай растянуть.

- Ты же почти парализован, придурок.

- Я... и таким тебя смогу - Райдер зажмурился, и я увидел, как по его виску катится капля пота, - Я... дойду. Просто... не беги... так быстро.

Он сделал еще один шаг. Мучительный, заторможенный. Я смотрел на него и чувствовал странную смесь презрения и уважения. Мы все были наркоманами, подсевшими некогда на божественную силу. И каждый из нас заплатил свою цену.

- Как хочешь, - и я развернулся с целью продолжить путь.

Запах Старых Доков ударил в лицо еще за два квартала. Но стоило нам переступить невидимую границу сектора, как он превратился в плотную, почти осязаемую стену. Это была квинтэссенция гниения. Смердный дух сточных вод смешивался с резким, пронзительным амбре тухлой рыбы.

Здесь город заканчивался и начиналась сточная канава. Единственная причина, по которой Остров до сих пор не стер это место с карты - ресурсы. Единственный способ для местных обитателей оставаться полезными для Императора - выгребать из мутных, отравленных вод то, что когда-то называлось рыбой, чтобы потом, после глубокой переработки, это дерьмо попадало на столы тех, кто живет чуть выше плинтуса.

Райдер был совсем плох. Я понимал его стремление продлить общее количество часов своей активности. Более того я это стремление предвидел.

На углу безымянного переулочка, заваленного ржавыми сетями, Седьмой окончательно сдался. Его колено подогнулось с влажным хрустом, и он рухнул лицом в жирную грязь.

Я подошел, подхватил его под мышки и оттащил к стене ближайшего дома. Усадил, прислонив спиной к шершавой

поверхности.

Райдер дышал так, словно в одиночку толкал вагон алюминия.

- К-капсулу... - прохрипел он, - Во внутреннем... ща можно.

Я залез рукой в его куртку. Пальцы нащупали прохладный контейнер. Я выудил его. Девять капсул. Девять дней божественного могущества.

Я не спешил. Вертел контейнер в руках, глядя на то, как Райдер пытается сфокусировать на мне взгляд.

- Ну... чего ждешь? – он начинал понимать, - Вколи мне... Да ты же сдохнешь. Ты уже тогда никуда не годился. Эй! Я обещаю, слышишь?! Я получу гражданство Острова и уговорю Императора принять и тебя. Ну?! С-с-с-сука! Без моих м-м-м-моих глаз... ты просто п-п-п

Он попытался дернуться, но лишь сполз ниже по стене.

- Убей тогда - вот теперь его голос звучал искренне, - Человечком будь убей.

Я посмотрел на капсулы. Девять штук. Целое состояние. И просто разжал пальцы. Райдер замер, его глаза расширились. А стекло лопнуло с сухим, почти торжественным звуком. Жидкость мгновенно впиталась грязь.

Райдер издал звук, похожий на стон раненого животного. Его лицо исказилось в гримасе абсолютного, первобытного ужаса.

- Я не человек, Седьмой, - произнес я, присев рядом с ним

на корточки, - Мы с тобой не люди. Нелюди мы. До встречи.

Я развернулся и зашагал вглубь доков. Почему не забрал его ампулы себе? Так они не мои. А мне чужого не надо. Я бы и свои выбросил, да только Кретина спасти надо. Пока ему не повезло умереть.

Глава 7

Запах этого сектора сложно передать. Да и запахом его называть будет неправильно. Всё же, это была вонь. Но вонь, отлично демонстрирующая всю прелесть внутренней духовной организации местной швали. Воняло разлагающейся рыбьей чешуей, застоявшейся мочой в подворотнях и тяжелым, маслянистым мазутом, который тонкой радужной пленкой укрывал черную воду каналов.

Я шел, стараясь не привлекать внимания. Наивно. Препарат в крови явно ослаб. Дело было даже не в том, что я был окровавлен, в рванье, с видом изнасилованной собаки. Такой внешний вид идеально вписывался в общую картину. Просто я был чужаком. А это заметнее любых внешних признаков. Доки жили своей, утробной жизнью. Остров выкачал отсюда всё человеческое, оставив лишь голую физиологию выживания.

Мимо меня, сгорбившись под тяжестью ящиков и тюков, проплывали... тела. Трудно было назвать их людьми. Это были изнуренные, серые существа, чья кожа приобрела оттенок мокрого бетона. Они не разговаривали. Доки вообще не протрескотню на улицах. Местные рожали молча, так же молча умирали. Следили за строгим соблюдением всех традиций надсмотрщики. Местная власть, шестерки очередного «хозяина жизни», которому Остров милостиво позволил тешить

себя мыслью о главенстве в обмен на бесперебойные поставки белка. Эти ребята выглядели сытыми, одетыми не в равное и вооруженными даже сносно. Настоящей полиции здесь не было. С приходом к власти Императора, доки смогли выторговать себе такое послабление. Умный ход. Я знал, что за этим решением стоял Лютик. Хотя и не понимал выгоды лично для него.

Препарат в крови плавно рассасывался, объявляя о своём уходе тупой, пульсирующей болью в боку. Мне нужна была передышка. Хотя бы десять минут тишины, чтобы понять, куда идти дальше.

Забегаловка под вывеской "Морж" показалась мне местом если не подходящим, то приемлемым. Буква "М" давно отвалилась, оставив ничего не обязующее "орж". Помещение встретило меня гулом голосов и ужасной вонью дешевого пойла. Это место ошибочно именовало себя баром. По мне, так оно скорее выполняло функцию сокращения численности сектора посредством отравления.

Я нашел самый темный угол. По вполне ожидаемому совпадению, угол этот был еще и самым грязным. Часть стола и один из двух табуретов были покрыты давно засохшей блевотиной. Но я всё же сел. На чистый табурет, разумеется. Моя спина коснулась холодной, влажной стены. Я не заказывал ничего. Просто сидел, прикрыв глаза, и слушал.

За соседним столом двое рабочих обсуждали поломку насоса. У стойки кто-то хрипло спорил о цене на наживку.

Обычный шум нищеты. Я наблюдал за ними через щелки век, анализируя каждое движение, каждый взгляд. Мой мозг, всё еще подстегнутый остатками препарата, фиксировал детали. У того парня нож за голенищем. Вполне стандартная картина. Но рукоять из камня. А это редкость. Надсмотрщик через два стола от меня слишком часто оглядывается на дверь. Кого-то ждет. Но он уже знает, что никто не придёт. Просто боится себе в этом признаться.

- Ну и хули?

Голос был сухим. Крайне неприятным для слуха. Я медленно открыл глаза.

Напротив меня, бесцеремонно отодвинув заблеванную табуретку, уселся мужчина. Он был широк в плечах. Работяга. С перепаханым шрамами лицом. Бывалый. Его руки, где это позволяла видеть роба портового грузчика, были покрыты старыми ожогами и татуировками. Не бессмысленные картинки. Символика военных братств. Когда еще имелись таковые. Пёс войны. Каким-то чудом не сдох на передовой. К счастью его или горю, но тогда он не встретился с одним из нас. Теперь он пожинает плоды. Результат многообещающей революции, заранее обреченной на провал. Но откуда им было знать о нашем существовании?

- Не мог бы ты уточнить вопрос? - я старался держаться как можно спокойнее.

- Хули надо? - глаза моего собеседника выпучились с такой силой, что я начал переживать, как бы они не лопнули

прямо мне в лицо.

- В целом от жизни? - отчего-то настроение стало немного игривым, - Сам не знаю. Ясности.

- Шутник? - он даже не улыбнулся, - Чего припёрся?

- Проходил мимо. Вижу вывеска. Вспомнил, что мне этот бар рекомендовали, как лучший в категории заблёванности столов.

Ветеран хмыкнул. И этот звук не предвещал ничего хорошего.

- Я сразу понял, что ты под дозой, - его рука медленно поползла со стола, - Я вас по глазам определяю. Ширнётесь, падлы, и чувствуете себя богами. Но на деле... ты грязь.

Мне было понятно, о чём он говорит. «Ату» не дарит всем и каждому псионические способности. Естественно, нет. Для всех, кроме наших, это просто наркотик. И кроме кайфа, он вселяет необъяснимое ощущение вседозволенности и всемогущества. Необъяснимое для них, конечно же. Мне и таким, как я, это было как раз яснее ясного.

- Слушай, мужик, - я постарался придать голосу максимум безразличия, - Тебе мало проблем в своей жизни? Я свалю, ты даже заметить не успеешь. Уговор?

Ветеран навалился грудью на стол. Его лицо оказалось в паре десятков сантиметров от моего. Я увидел каждую пору на его обветренной коже.

- Я уже заметил. Вы чё тут рыскаете? То никого-никого. А тут рож незнакомых каждый день всё больше.

Я медленно поднял взгляд.

- Свалил бы ты, мужик. За наблюдательность хвалю. Могу похлопать по плечу, но тогда тебе точно пиздец от твоих же. Искренне советую тебе наблюдать отныне менее активно. Живи своей ничтожной жизнью. А сейчас... Исчезни.

Секунду в воздухе висело напряжение. Он смотрел на меня, и я видел ненависть, ярость и желание непременно дожить до следующего утра. Наконец, он медленно отстранился.

- Грубо, - он плюнул прямо мне под ноги, - Но доходчиво. Он развернулся и пошел к выходу, не оборачиваясь.

Нужно было уходить. Дело было даже не в том, что я объективно привлекаю ненужное внимание, сколько в том, что я успел перевести дыхание. Раны почти затянулись под воздействием «Ату». А общая его концентрация в крови практически достигла отметки в ноль.

Я медленно поднялся с табурета, стараясь не делать резких движений, и направился к выходу, надеясь, что общий хаос Доков проглотит меня раньше, чем я вновь стану центром чьего-то внимания.

Надежда - сука высшей пробы.

Я не дошел до двери три шага.

Тяжелый засов с лязгом вошел в пазы. Бармен, жирный тип с лицом, похожим на использованный недавно ершик для унитаза после приступа диареи, неспешно вытер руки о грязный передник и перегнулся через прилавок. По уг-

лам бара начали подниматься еще трое. Типичный молодец. Впалые груди, длинные, как у обезьян, руки и глаза, в которых не было ничего, кроме желания урвать кусок побольше.

- Ляньте, дружи, - бармен ослабился, обнажая желтые зубы, - Ну куда? У нас так не принято. Зашел, посидел, а за гостеприимство не поблагодарил. Это ж, дружи, проявление невоспитанности. Ну? Иль не так?

Я замер. У меня не было запаса сил на красивый бой. Моё тело сейчас напоминало механизм, работающий на последних каплях масла. Еще один рывок и шестерни просто сотрутся в пыль.

- Признаю. Не прав. Сколько? - коротко спросил я, глядя бармену прямо в глаза.

- Ляньте, дружи. Да ты ж не понял. Это ж, надо было сразу так. Не? Так, дружи? А теперь. Ну, выбор простой. Выворачиваешь карманы, отдаешь куртку, ботинки, штаны. И трусы заберем, не побрезгаваем. Всё заберём. И тогда уходишь отсюда в чем мать родила... Но уходишь, лянь. Или мы с ребятами заберем всё это сами. С твоего тупа.

Я сделал глубокий вдох. Зря. Вонь гари и дешевого спирта, обожгла легкие. Нужно было договариваться. Драться совсем не хотелось.

- Послушай меня внимательно, - я заговорил тихо, чекая каждое слово, - Я здесь мимоходом. Если я сейчас уйду, через десять минут ты обо мне забудешь. Ни шума, ни лиш-

них вопросов, ни крови на полу, которую тебе же придется отмывать. Не дай боги, ребят твоих успею покалечить. Кому это надо?

Бармен слушал меня, наклонив голову набок. Он даже понимающе закивал, и на мгновение мне показалось, что остатки здравого смысла в этой жирной туше еще сохранились. Его «ребятки» тоже замерли, переглядываясь.

- Ляньте, как щетет. Логично, - мягко сказал бармен, - Тишина это хорошо. Лишние хлопоты нам ни к чему, тут ты прав. Ну? Прав же, дружи? Умные вещи говорит.

Он сделал паузу, и его лицо мгновенно преобразилось. Дружелюбная маска сползла, обнажая хищный оскал отупевшей твари.

- Значит, ты выбрал второй вариант. Ну? Дружи, заберите шмотки. Только не сильно попортить постарайтесь.

Первый гопник, самый длинный, рванулся ко мне сбоку, сжимая в руке обломок арматуры. Я не стал играть по его правилам. На это не было энергии. Я просто перехватил его руку, используя инерцию его собственного броска, и впечатал ему локтем в челюсть. Раздался сухой хруст. Его челюсти. Моего локтевого сустава. Парень рухнул, но двое других уже были рядом. Бармен вытащил из-под стойки тяжелый обрез. Всё, как я люблю. Выбора не оставалось.

Мир начал вибрировать. В ушах взвыл ультразвук, а потом реальность внезапно замерла. Дым от сигарет за соседним столом застыл причудливыми колоннами.

Я сконцентрировался на происходящем. Обстановка.

Бармен. Жирная туша за стойкой. Его палец уже начал вдавливать спуск. Стволы обреза смотрят мне в грудь. Блядство. Тут никакой «Ату» не спасёт. Если он выстрелит, моя грудина в фарш превратится.

Гопник слева. Он замахнулся ржавым стальным бруском. Черепно-мозговая мне обеспечена. Если не летально, то овощем до конца дней. Впрочем, дней недолгих и немногих.

Гопник справа. С ножом. Нацелил в бок. Совсем необученный птенец. Будет больно, но жить точно смогу. Если смогу придумать, как избежать дроби и стального бруска.

Мой мозг, разогнанный препаратом до частоты квантового процессора, начал перебирать варианты. Уклониться? Не успею. Рвануть на бармена? Тупее ничего придумать невозможно. В объятия дроби кинуться. Закрыться одним из гопников... а что?

Это было близко. Но не то. И мой взгляд, наконец-таки, отыскал решение. Оно было для меня крайне болезненным, но единственным. Нужно было жертвовать.

Время вновь устремилось отнимать у нас секунды жизни.

Я коротким движением, почти рывком, метнул со стола тяжелый граненый бокал, в котором еще плескалось какое-то маслянистое пойло, в сторону барной стойки.

Бармен торжествующе оскалился, видя, что я промахнулся. Бокал пролетел в добром метре от его головы. Всё это заняло пару мгновений.

Но бокал и не должен был попасть в жирную тушу. С глухим звоном он врезался точно в основание проржавевшего кронштейна, едва удерживающего монитор над барной стойкой. Этого ничтожного импульса хватило, чтобы усталый металл окончательно сдался.

Массивный аппарат сорвался вниз. Он рухнул прямо на плечи бармену, вмяная его потерянную в подбородках шею в туловище. От удара - руки толстяка дернулись, направляя стволы обреза в сторону.

Выстрел разорвал тишину бара. Сноп крупной дроби, предназначавшийся мне, ушел вправо и вошел точно в голову первого гопника, который уже заносил свой брусок для удара. Его голова просто исчезла, превратившись в облако красных брызг и осколков костей. Безголовое тело еще сделало шаг по инерции, прежде чем мешком рухнуть на пол.

Но и я заплатил сполна. Не удар даже, а странный, какой-то ледяной холод в боку. Нож вошел глубоко, точно под ребра.

- Прости, прости... - запричитал парень, осознав произошедшее.

Жалкое зрелище. Дрожащая тварь, полностью заслужившее своё положение. И некогда грозный хищник, полностью заслуживший смерть за всё содеянное.

Последним усилием воли я перехватил его запястье. Нельзя было позволить ему достать нож из меня. Вторая рука моя

уже рисовала в воздухе клинком армейского ножа короткую дугу. Я не просто вскрыл ему горло. Нет. Перерезал его с такой силой, что лезвие лязгнуло о позвоночник.

Парень захлебнулся собственной кровью и осел, выпуская рукоять ножа, оставшегося в моем теле.

Я стоял посреди бара. Воняло порохом, требухой и пролитым спиртом. Посетители даже дернуться не подумали. Спокойно наблюдали за происходящим. Пусть это и заняло всего несколько секунд. Но даже в эти секунды хотя бы один мог инстинктивно... подсознательно... напрячься... подумать... чтобы... вмешаться...

Я попытался сделать вдох. Мир начал тускнеть по краям, картинка теряла четкость. Колени подогнулись сами собой.

Я рухнул на грязный пол и закрыл глаза. Где-то далеко, на границе сознания, я услышал тихий звук шагов. Кто-то шел по песку, оставленному на плитке бара сапогами работаг. Шел спокойно. Размеренно.

Глава 8

Просыпаться в цепях для меня было привычным. Довольно обширный опыт подобных ситуаций позволял мне не удивляться больше холодному металлу на конечностях. Сначала ты слышишь звон, потом чувствуешь тяжесть, и только в последнюю очередь приходит боль. Нож в боку оставил после себя не только зияющее отверстие в теле, но и ощущение досадного поражения.

Я открыл глаза.

Первое, что я почувствовал, был запах. Не вонь доков. Не запах морального и физического разложения. Это был запах мыла. Свежий, стерильный, почти вызывающий. Так пахнут люди, которые могут позволить себе роскошь быть чистыми. Это запах Острова. Брошенный как кость моему пленителю.

Я висел на цепях, вбитых в бетонную балку. Носки ботинок едва касались пола. Иронично, что моя цепь свободно болталась на лодыжке. Отчего-то ее не стали использовать. Напротив меня, за небольшим складным столиком, сидел человек.

Он был не просто опрятен. Он был безупречен. Белая рубашка с идеально отглаженным воротником, чистые руки с ухоженными ногтями. Он неспешно ел. На тарелке лежал кусок настоящего мяса. Не синтетика. Рядом стоял бокал чистой воды. Этот парень явно был чертовски полезной собач-

кой Острова.

- Доброе утро, уважаемый, - произнес он.

Голос был мягким, глубоким, с интонациями человека, привыкшего читать лекции, а не отдавать приказы. Но в этой мягкости ощущался вес гранитной плиты.

В углу, в тени, я разглядел знакомый силуэт. Тот самый ветеран со шрамами. Он стоял навытяжку, сложив руки на груди, и смотрел на меня уже не с ненавистью, а с каким-то мрачным любопытством.

- Это так проявляется уважение? - горло саднило, каждое слово царапало гортань, - В приличном обществе предложили бы стакан воды. И представились бы.

Человек за столом изящно отрезал кусочек мяса, отправил его в рот и без спешки прожевал, прежде чем ответить.

- Неужели на Острове не учат разведке? - он слегка улыбнулся, - Меня зовут Ноби. Отчего так повелось, мне уже не узнать. Давший мне сие имя покоится на дне. Но как-то закрепились. А Вы, уважаемый?

- Можешь называть меня хозяином, - в горле окончательно пересохло.

Ночи отпил воды, не сводя с меня внимательных, пугающе умных глаз.

- Подобный юмор Вас не красит. Давайте пропустим ту часть, где я приказываю вырывать Вам ногти, а Вы героически изображаете жертву нездорового патриотизма. Это скучно. Вульгарно. Я же вульгарность не переношу совершенно.

В том, что Вы прибыли с Острова, я не сомневаюсь. Но с какой целью? До сего момента у Императора не было причин сомневаться в моей верности и в моих навыках управления.

Я промолчал, пытаясь оценить свои шансы. Цепи были старыми, но надежными. Мой взгляд скользнул по столу и замер.

Рядом с тарелкой Ноби, выстроенные в идеальный ряд, стояли черные капсулы. Ровно восемнадцать штук.

- Прекрасный экземпляр, - Ноби проследил за моим взглядом.

Он взял одну капсулу двумя пальцами, поднес к свету, любуясь игрой теней внутри черного стекла.

- Удивительная субстанция. Чистая. Без примесей. По-ставка прямиком оттуда.

Он несколько нарочито воздел палец вверх, а потом аккуратно положил капсулу на место.

- Полагаю, что капсул было десять. Одну ты использовал. Но очевидно, что не для праздного удовольствия. Что же это за состав?

Я молча висел на своих цепях. Мне не было интересно общение с этим отбросом. А вот то, кем был обладатель второй девятки ампул - это было куда интереснее.

- Предполагаю, что дело не ограничивается вами двумя, - Ноби поддел вилкой кусочек мяса и покрутил пальцами прежде, чем отправить в рот, - Мне не хотелось бы прогнеть Императора. Но и ему следовало бы уведомить меня,

раз уж он посылает в мой сектор своих псов. Вы согласны, уважаемый?

Он говорил спокойно, почти ласково, но я понимал: этот человек - самый опасный хищник, которого я встречал за пределами Острова. Потому что он не играл в бога. Он просто владел этим адом. Ему нужны были ответы, и он был готов вырезать их из меня вместе с кусками плоти. При этом, естественно, улыбаясь самой вежливой улыбкой.

Я решил не играть с ним. У меня не было на это ни сил, ни желания. К тому же, во мне твердо созрела уверенность, что в данном случае искренность станет самым верным подходом.

- Деланная наивность тебе не к лицу, - я поднял голову, глядя на него, - Императору насрать на тебя. Но не на твой сектор. Ты это и сам прекрасно знаешь.

- Ближе к делу, уважаемый. Не тратьте моё время попусту. Кто вы? Под "вами" я подразумеваю не только Вас, но и второго субъекта, попавшего мне в руки.

Боль начинала не просто властвовать в моем теле, но постепенно завладевать сознанием. Приходилось прилагать немалые усилия, чтобы отвечать этому ошибочно возомнившему себя хоть сколь-нибудь важным идиоту.

- Наёмники. Расходный материал Острова. Вот кто мы. Хотя некоторые из нас считают себя ценным активом Императора.

- Допустим, уважаемый, - Ноби отправил вслед за куском

мяса что-то, похожее на салат, - Что же наёмники Острова делают на моей территории?

- Поссать зашли, - прикованные руки затекли ужасно, - Задание выполняем, что же ещё? Надо доставить одного мальчишку обратно под крылышко нашего Великого и Ужасного.

- Что за мальчишка?

- Мальчишка, чья ценность превышает стоимость всех твоих доков вместе с дерьмом их обитателей.

Ноби замер с вилкой в руке. Его глаза, до этого выражавшие лишь вежливое любопытство, мгновенно превратились в два ледяных кристалла. Он медленно отложил приборы, вытер губы салфеткой и подался вперед.

- Мальчишка, - повторил он, смакуя слово, после чего взяли двумя пальцами одну из ампул с «Ату», - Что за состав? Это ведь не то же самое, что можно найти на улицах?

- Спешу тебя расстроить, - я попробовал немного сменить положение, и цепи отозвались глухим звоном, - Та же дрянь, только фантик краше. Можешь проверить на служивом.

Я кивнул в сторону ветерана.

- Наёмники тоже любят кайфануть. Плюсом идёт нездоровая самоуверенность. Не за даром же бегать по секторам во славу Монаршей Задницы.

- Но и не за дозу наркотика, уважаемый, - Ноби нахмурился, - Не пытайтесь меня обмануть.

- В мыслях не было. Настоящий приз, обещанный тому, кто доставит пацана, это не наркотик и не деньги. Полноцен-

ное гражданство Острова. Пожизненное. Со всеми привилегиями. Может даже по плечу похлопают.

Ноби молчал долго. Я слышал, как в углу тяжело вздохнул ветеран, переступив с ноги на ногу. Для таких, как они, живущих в сточной канаве мира, слово «гражданство» звучало как обещание рая. Я прям ощущал, как зашевелились шестеренки в черепушке Ноби. Он смотрел на восемнадцать ампул на столе, и в его взгляде читался сложный математический расчет. Того и гляди дым из ушей повалит.

- Любопытненько... - Ноби поднялся со стула и начал медленно прохаживаться перед столом, - Позвольте уточнить, уважаемый. Значит ли это, что каждый из вас сам за себя? Что нет никакой общности, а есть лишь свора голодных псов, готовых на всё ради одного-единственного билета в лучшее будущее?

- И как ты только догадался? - отозвался я, - Друзей в этом деле нет. Только конкуренты.

Ноби остановился прямо передо мной. Он протянул руку и аккуратно поправил воротничок моей изорванной куртки, словно заботливый товарищ.

- Тогда у меня возникает вполне логичный вопрос, - его голос стал еще мягче, почти интимным, - Зачем мне ты? Я владею этим сектором. Мои люди знают каждую крысиную нору в Доках. Если я сейчас просто... прихлопну вас обоих, заберу ваши ампулы и сам приведу мальчишку Императору... Разве я не заслужил это гражданство больше, чем горст-

ка постаревших наёмников с истекшим давно сроком годности?

В углу ветеран произвольно положил руку на рукоять пистолета. Воздух наполнился тем самым напряжением, о каком принято говорить в подобных ситуациях.

Я посмотрел на Ноби. В его глазах не было злобы. Только чистый, без примесей, прагматизм хищника, который увидел добычу покрупнее, чем он мог даже мечтать.

- Ты не настолько отупел, - сухо ответил я, глядя ему прямо в расширенные от возбуждения зрачки, - В строгой иерархии ты уже занял свою нишу. Тебе позволили немного поруководить стадом. Но ты не перестал быть одной из множества мелких тварей. Я это знаю. Ты это знаешь. Император это знает. Попробовав прыгнуть выше дозволенного, ты получишь смерть. Долгую, изобретательную и крайне мучительную. Такую, о которой в твоих Доках будут шептаться еще много лет, прежде чем Остров окончательно сотрет это место, полностью употребив его.

Ноби иронично приподнял бровь.

- Не стоит недооценивать силу маленькой твари, как Вы, уважаемый, изволили окрестить меня. Ведь именно Вы в цепях. В моих цепях.

Он подошел к столу и взял одну из ампул. У меня не было возможности видеть его лицо, но я просто знал, что Ноби облизнул губы, глядя на этот неприлично дорогой для него наркотик. Лидер Доков повернул ко мне сначала голову, а

потом и весь корпус. Выглядело это излишне театрально, но я привык к подобным замашкам «мелких божков».

- Значит, уважаемый, это просто источник удовольствия и уверенности?

Ноби разжал пальцы. Капсула упала на бетонный пол и разлетелась на осколки. Жидкость, способная превратить меня в суперсолдата, мгновенно смешалась с пылью и впиталась в бетон.

Я даже не моргнул. Не знаю, что я ненавидел больше - эту дрянь или себя, всё еще применяющего её.

- Одна, - негромко произнес Ноби.

Он взял вторую. Снова звон. Затем третью. Четвертую. Пятую. Он бил их медленно, делая паузы, наслаждаясь моментом. Чего конкретно он добивался мне несложно было понять. Только вот этому лощеному засранцу было не понять, что он промахнулся с объектом своих манипуляций.

- Я же сказал, - мой голос был ровным настолько, насколько позволяла боль затекших конечностей, - Фантик красивый. Но это просто наркота. Ты перевел кучу денег, поздравляю. Надеюсь, тебе стало легче.

Ноби усмехнулся. Как бы он не пытался это скрыть - ему чертовски жалко было вытекшее на бетон состояние. «Ату» - не только и не столько деньги, сколько влияние. Крайне немногие могли позволить себе расплачиваться наличными. Однако, «Ату» позволял держать в должниках необходимые тебе рычаги влияния.

Ноби вернулся к столу, сел и снова взял бокал с водой.

- Хорошая игра, уважаемый. Допустим, я поверил. Допустим. Я готов подыграть. Мне импонирует твоя готовность стоять на своём до последнего. Но тогда у меня остается еще один вопрос. Чисто деловой.

Он сделал глоток и посмотрел на меня поверх края бокала.

- Какую выгоду извлеку лично я, если освобожу тебя? Для чего мне сохранять твою жизнь? За каким, уважаемый, отпускать того, кого держал в цепях?

Я хмыкнул. Честный вопрос заслуживал честного ответа.

- Никакой выгоды, - ответил я прямо, - У меня нет для тебя ни золота, ни секретов, которые ты мог использовать. Я не могу обещать тебе верность, потому что, как только я выйду за дверь, наши интересы могут разойтись. И я не могу обещать тебе, что не убью тебя.

Я перевел дыхание, игнорируя вспышку боли в боку.

- И ты никогда не поверишь обещаниям закованного в цепи. В ином случае, я разочарован.

В комнате повисла тишина. Ветеран в углу напрягся. Я ему не только не нравился. Эта отрыжка улиц явно ждал команды «кончать» наглого наемника.

Ноби смотрел на меня долго. Ответ на мою реплику у него был готов заранее. Вот только подобные личности просто обязаны были нагнетать обстановку, добавляя важности моменту.

- Изящно, - наконец произнес он, и в его голосе прозвучало искреннее удовольствие, - В целом, убедительно. Даже подано со вкусом. Мне бы такого человека в команду. Впрочем, даже пытаться не буду...

Ноби резко встал и кивнул ветерану.

- Освободить его.

Ветеран вздрогнул, его лицо исказилось от возмущения.

- Ноби! Ты серьезно? На кой хер это сдалось вообще? Завалим и дело с концами.

Ноби медленно подошел к своему помощнику. Старый вояка держался спокойно. В нём не было страха перед лидером, куда младше ветерана, менее боевитым, куда более безобидным.

И в одно мгновение, я едва успел заметить, Ноби вздернул руку в сторону ветерана, блеснул клинок. Даже я не подумал бы, что в рукаве неуместного в доках пиджака припрятан механизм.

Лезвие сначала полоснуло вояку по щеке, а следом уже уперлось в область печени. Кровь проступила на грязной майке ветерана.

- Не смей перечить мне на людях, - мягко сказал Ноби, - Мы же с тобой это неоднократно обсуждали. Родной мой, если ты не согласен, если у тебя есть отличное от моего мнение... запомни, пожалуйста... мне насрать. А теперь. Сними его. Сейчас же.

Ветеран, сжимая одной рукой порез на щеке, на полусо-

гнутых ногах подошел ко мне. Лязгнули ключи. Тяжелые кольца на запястьях разомкнулись. Мои ноги, не чувствовавшие опоры, подкосились. Я рухнул на колени, едва успев выставить руки, чтобы не вписаться лицом в бетон.

- Прошу простить, уважаемый, - Ноби стоял надо мной, - Иногда приходится прибегать к подобному. Ничего не поделывать, таковы реалии.

Пока я пытался подняться, он дошёл до двери и открыл её.

- Входи, милый мой друг, - произнёс Ноби, обращаясь куда-то в коридор, - Ты был совершенно прав на его счёт. Признаю свою ошибку.

Я собрался и смог сесть на пол, растянув ноги перед собой. Мой взгляд не мог оторваться от вошедшего в комнату.

В дверях стоял Джаспер.

Глава 9

Коридор был узким и темным. Невольно складывалось ощущение, что мы шагаем в кишках. Это подкрепляло и вполне конкретное ассоциирование себя с дерьмом. Обстановка за стенами окончательно бетонировала этот нелюбимый образ.

В конце коридора ждал свет. Какой-то неестественно яркий. Почти хирургический. Когда тяжелая дверь распахнулась перед нами полностью, я рефлекторно зажмурился.

Это не была кухня в привычном понимании обитателей Доков. Никаких закопченных стен, ржавых плиток и запаха вареных отходов. Ноби и здесь оставался верен себе. Белоснежный кафель, начищенные до блеска поверхности из нержавеющей стали, ряды профессиональных ножей, висящих на магнитных держателях, и, что было самое невероятное, запах. Пахло... вкусно. Мне сложно было понять, какие конкретно это запахи... но мне хотелось вдыхать их снова и снова. Этот аромат казался в этих трущобах чем-то кощунственным.

- Прошу, проходите, не стесняйтесь, - мягко произнес Ноби, пропуская нас вперед с таким видом, будто мы приглашены на званый ужин.

Джаспер проскочил мимо него первым. Его глаза сияли, а по лицу блуждала идиотская улыбка, что раздражала меня

до дрожи.

- Смотри, Аскет! - воскликнул он, оборачиваясь ко мне, - Тут так чисто. Ноби разрешил нам у него немного пожить. Здорово, да?

Я едва передвигал ноги. Голова трещала, раны ныли, а сил практически не осталось. Я оперся плечом о дверной косяк, пытаюсь осознать сюрреализм представшей картины.

В центре кухни, у массивного стального стола, стояла Серафима.

Одна из самых опасных женщин, которых когда-либо выпускал Остров, сейчас выглядела как жертва крушения поезда. Ее левая рука была плотно прижата к телу и зафиксирована перевязью, пальцы торчали из-под бинтов синюшными сосисками. На лице запеклась корка крови, один глаз заплыл багровой гематомой, а кожа была бледнее кухонного фартука, который она нацепила поверх своей изодранной брони.

Но при этом она смеялась.

Вокруг нее, на высоких табуретах, сидели трое боевиков Ноби. Суровые псы выглядели как прилежные пёсики. Перед каждым стояла тарелка с дымящимся обедом, а в руках были куски хлеба.

- и вот тогда, - Серафима ловко, одной правой рукой, подбросила на сковороде овощи, - Этот нахал поворачивается ко мне и говорит: «Леди, ваше разрешение на ношение клинка просрочено». А я ему отвечаю: «Сладкий, если я его сейчас выну, срок годности закончится у вашей шеи!»

Боевики взорвались хохотом, один из них даже хлопнул ладонью по столу, вытирая выступившие от смеха слезы. Серафима весело подмигнула им уцелевшим глазом, но, когда ее взгляд скользнул по мне, в его глубине на мгновение промелькнул лед. Чистый, холодный расчет профессионала, который оценивает обстановку, даже будучи полумертвым.

- Рано я тебя похоронила! - она театрально взмахнула половником, - Знала бы, что рожа твоя уцелела после падения, я бы объединилась с тобой в поимке этого засранца.

Джаспер виновато улыбнулся и пожал плечами.

- Откуда ж я знал... - он так тупо почесал затылок, что мне захотелось сапогом втоптать ему нос в черепушку, - Что Вы меня ловите просто? Я б не убегал тогда. Я-то подумал, что Вы меня убивать хотите.

- В другой раз не думай, милый, - Серафима погрозила ему поварёшкой, - У тебя это херово получается.

Ноби прошел во главу стола. Безупречная белая рубашка лидера казалась в этом свете ослепительной. Он сцепил пальцы в замок и с легким поклоном посмотрел на Серафиму.

- Не будьте столь категоричны, любезнейшая, - произнес он, - Мальчик спас Вам жизнь.

Я медленно опустился на свободный табурет в самом углу, чувствуя, как липкий пот течет по спине. Я смотрел на Серафиму. Сейчас, когда препарат полностью вышел, мне сложно было понять её мысли, цели и даже настроение. Как

не понимал я, что именно она поведала Ноби, чтобы освободиться от цепей. Ей, как минимум, так же пришлось отказаться от ампул, чтобы не выдать их ценности для псиоников, подобных нам двоим. Или же она полностью раскрыла карты? Хочет ли она перебить всю банду Ноби, заполучив хотя бы одну дозу? Или же её игра куда глубже?

- Я, конечно, дико извиняюсь, - хрипло начал я, глядя на свою некогда напарницу, - Не потрудиться ли мне кто-нибудь приоткрыть, её мать, завесу тайны? Что происходит?

Ноби посмотрел на меня с легким укоризненным сожалением, словно я только что выругался в церкви.

- Уважаемый, Вас нашли в одном из моих баров в крайне плачевном состоянии. Я обязательно проведу воспитательную беседу с тамошним контингентом. Но и Вы должны понять, в наше время непрошенный гость может принести кучу проблем. Или попасть в неприятности. Прелестная Серафима, к примеру. На неё упала балка. Совершенно случайно, как она сама утверждает.

Я невольно усмехнулся. Случайно. Естественно, это произошло случайно. Случайно она едва не погибла в своем же доме. Случайно чуть не погибла в перестрелке на автозаводе. Абсолютно случайно именно на неё свалилась балка. Потому что совершенно не случайно она преследовала Джаспера.

- Когда мои парни прибыли, - продолжал Ноби и кивнул в сторону пацана, - Этот молодой человек сидел возле тела. Ситуация нестандартная. Требовала моего прямого участия.

А я... Разве я мог отказать в помощи человеку с таким... чистым взглядом? К тому же, я всегда ценю возможность пообщаться с интересными людьми в неформальной обстановке.

Он кивнул в сторону Серафимы.

- А вы, уважаемые, до жути интересные особы. Ешьте. Восстанавливайте силы. Нам предстоит еще много всего обсудить.

Джаспер в это время уже вовсю уплетал рагу, что-то весело нашептывая одному из охранников, который даже не осознавал, что перед ним самый разыскиваемый субъект.

Серафима, продолжая носить маску дружелюбной, хоть и жутко покалеченной хозяйюшки, едва заметно кивнула мне.

Вечер в логове Ноби наступил, и слава богам. Терпеть это представление под конец становилось всё сложнее. Нас определили в комнату, которая больше напоминала одноместную камеру. Впрочем, сдаётся мне, камерой она и являлась. По крайней мере, для нас двоих. Серые стены, отсутствие окон и одна-единственная кровать с подозрительно чистым бельем.

Охрана закрыла дверь снаружи с тяжелым щелчком. Я прислонился к стене, чувствуя, как по ногам разливается свинцовая тяжесть. Рана в боку пульсировала в такт сердцебиению. Тупая, как все мои поступки.

Серафима медленно, стараясь не тревожить искалеченную руку, подошла к кровати. Маска «веселой поварихи» сползла с её лица, обнажив изможденную, серую кожу и глаза, в которых не было ничего, кроме расчетливой ярости.

- Он забрал все мои ампулы, - негромко сказала она, - Сучий выродок. Я выпотрошу его. Только доберусь хотя бы до «грязной» дозы.

- Тише ты, - я постарался расслабить мышцы, - Он наверняка нас слушает.

- О, нет, - она попыталась помотать головой, но обстоятельства в виде черепно-мозговой тут же заставили её пожалеть, - Твою ж...! Нет, он не слушает.

- Откуда такая уверенность?

- Обижаешь, Аскет. У тебя есть доза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.